

НАТАЛЬЯ
МЕЗЕНЦЕВА

ЦВЕТ И СЛОВО
ИГРЫ ПРАВОГО ПОЛУШАРИЯ

Наталья Мезенцева

**Цвет и слово. Игры
правого полушария**

«Пробел-2000»

2016

УДК 821.161.1Мезенцева
ББК 84(2Рос=Рус)6-5

Мезенцева Н. В.

Цвет и слово. Игры правого полушария / Н. В. Мезенцева —
«Пробел-2000», 2016

ISBN 978-5-98604-537-5

В книгу вошли рассказы, эссе, миниатюры и картины автора. Издание может заинтересовать любителей живописи и графики, а также тех, кто устал и жаждет душевного покоя, приятных размышлений и радости. Здесь они всё это обретут. Читатель познакомится с реальными людьми, прожившими трудную жизнь в России и за её пределами, встретит персонажи из мира мечты, фантазии, увидит неодушевлённые предметы, наделённые своеобразным внутренним миром, характером. Тексты удивляют, легко читаются, рождают много ассоциаций и остаются в памяти.

УДК 821.161.1Мезенцева
ББК 84(2Рос=Рус)6-5

ISBN 978-5-98604-537-5

© Мезенцева Н. В., 2016
© Пробел-2000, 2016

Содержание

Всё дышит, всё живёт	7
Рояль	7
Смычок	9
Старый Дом	11
Часы	13
Зелёное вино	17
Оливы	18
Шаль	19
Шёпот	20
Москва	22
Сила. Истоки	25
Ксения	25
Фотографии Ксени	25
Предки по материнской линии	25
Плакучая и кудрявая берёзки. Портреты Крамского	26
Ещё немного о сёстрах – 1914-1920-е годы	26
Пярну, ул. Карья, дом № 1	27
Семья: Антон, Ксения и дочь Ксения	27
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Наталья Мезенцева

Цвет и слово. Игры правого полушария

© Мезенцева Н.В., 2016

* * *

Наталья Мезенцева закончила факультет журналистики МГУ им. М. В. Ломоносова. Член Творческого союза художников России, член Международной ассоциации художников.

Москва – её родной город, где она родилась и живёт.

«Цвет и слово. Игры правого полушария» – это книга пишущей художницы, которая собрала воедино свои тексты и некоторые из своих картин.

Книга намечалась в качестве приза для самой себя. Это своеобразная награда за пройденный период, по завершении которого непременно начнётся новый. Именно этого с нетерпением и ожидает автор. Промежуточный итог подведён.

Скорее в новую жизнь, воплощать новые идеи!

Всё дышит, всё живёт

Рояль

Она переехала в приморский город. Квартира была в старом, тихом и уютном районе, рядом парк и море. Отремонтированная, пустая – всё, как договорились с бывшими хозяевами. Многолетняя мечта сбывалась, и это было чудом.

Но вот только рояль... Его никто не захотел ни купить, ни взять даром у бывших хозяев. Видимо, некуда ставить, а те, у кого большие квартиры, не интересуются инструментами. А владельцы сокровища уже навсегда улетели за океан, оставив друга в опустевшей квартире.

Это как покинутый кот или собака – вроде, вы не собирались связывать свою жизнь с ними, а вот, поди ж ты, так всё сложилось. Теперь Елена – владелица рояля. Всё было бы и не так плохо, если бы она имела хотя бы какие-то навыки игры на инструменте или, как многие, училась бы в детстве музыкальной грамоте. Но нет. Она даже нот не знала. Музыку любила слушать, ходила на концерты в консерваторию. И что же теперь делать с таким красавцем-аристократом?

Стоящий вблизи огромного балкона и сверкающий чёрной гладью, он отражал на своей поверхности голубое небо и облака, расширяя тем самым пространство и придавая величие комнате.

Завезли вещи, расставили, уже и книги все на местах. Правда, несколько тесновато по известной причине, но от этого жильца, видимо, не избавиться. Рояль сразу стушевался, будто опустил глаза долу, извиняясь за своё вынужденное присутствие в доме. Потускнел. Его стало жалко, несмотря на внушительные размеры и блестящий экстерьер – ухаживали за ним на совесть. Ему явно неловко в окружении новой мебели, картин, новой хозяйки. И ей тоже. При нём Елена стеснялась, она вела себя сдержанно даже с друзьями, по телефону о пустяках или о личном говорить было комфортнее в другой комнате. Ей хотелось спросить его, не надо ли что-то ему подать, принести, удобно ли ему там в новом окружении, не дует ли с постоянно открытого балкона...

Живой – вот что напрягало, и в то же время – как удивительно! – радовало. Она не могла в этом признаться даже себе. Ни с кем не хотела обсуждать эту проблему. Стала замечать, что спешит домой из-за него. Что это, наваждение, мистика? Но он и впрямь живой, причём с удивительно приятным характером уже не молодого интеллигента, обременённого талантами, знаниями, тактом и тонкой душой. Всё это вместе делало рояль привлекательным и загадочным.

Жизнь изменилась не только потому, что город и квартира были новыми и надо было налаживать быт, новые знакомства, привыкать к окружению. Она ощутила присутствие дорогого ей существа, с кем хотелось соседствовать, находить общий язык, устанавливать интересные и приятные для обоих отношения. Он помогал ей освоиться и давал определённую уверенность в спокойной и по-новому значительной для неё жизни.

И ещё. Появилось совершенно новое ощущение, сродни открытию в себе неведомого до той поры таланта. А точнее, это было желание научиться играть. Эту странную мысль Елена со смехом и некоей неловкостью просто гнала от себя, как только та приходила. И тем не менее, мысль возвращалась и довольно интригующе, даже с юмором, давала понять, что это серьёзное предложение, и исходило оно со стороны рояля. Иногда со смехом она замечала, что пальцы сами собой делали произвольные лёгкие движения, как будто играли. Елена уже несколько раз открывала крышку и, стоя, пыталась что-то наиграть. Не получалось, конечно, ничего путного, просто тарам-барам какой-то. Она стеснялась, что услышат соседи и придётся солгать,

что так балуется приехавший ребёнок, никогда не видевший рояля. Чушь какая-то, и никому ведь не признаешься, придётся хранить в тайне новую затею.

Проходили дни, недели, месяцы. Елена прекрасно себя чувствовала в уютной квартире, часто гуляла в парке и вдоль берега моря. Осень – её любимое время года: тихая, тёплая. И только осенью такое освещение: мягкий солнечный свет сквозь желтеющую и краснеющую листву.

Не многолюдно стало, когда разъехались курортники. У Елены было несколько старых знакомых, с которыми она встречалась, ездила в соседние сёла и города к друзьям юности. Елена иногда ходила на концерты и в театр, много читала и начала писать рассказы по просьбе своих друзей, помнящих её талант к писательству ещё со студенческих лет. Словом, она не скучала и была погружена в довольно приятную и интересную для неё жизнь.

Как-то поздно вечером Елене, читавшей перед сном в постели, почудилось, что на рояле очень тихо играют прелестную мелодию, не знакомую ей и необыкновенно привлекательную. Отложила книгу, прислушалась: точно, это в соседней комнате так чудно звучит рояль. Она почему-то не удивилась, как будто давно была к этому готова. Необычным было и её настроение, она оставалась спокойной и радостной. Елена точно знала, что никого там нет, кроме рояля, это играет Он, его клавиши. Он хочет сделать ей обворожительный подарок: сыграть свою новую жизнь. Елена слушала и наслаждалась чарующей музыкой, она была удивлена, что на инструменте можно играть настолько тихо, а звуки будут пронзительно ясными. Мелодия звучала довольно долго и вот закончилась. Елена встала, подошла к инструменту, нежно провела рукой по клавишам, благодаря за красивый экспромт. Закрыла крышку и немного посидела у рояля. Такого подарка и во сне не увидеть.

С того вечера она решила, что рояль поможет ей начать играть. Нет, она не купила самоучитель, не наняла преподавателя, она стала садиться к инструменту и ловить, фиксировать новые для неё ощущения, тихо наигрывать что-то, совсем не думая ни о качестве, ни о невозможности настоящей игры. Она импровизировала. И вот по прошествии зимних месяцев Елена осознала, что у неё получается поймать мелодию, которая ей нравилась. Рояль, казалось, был доволен, он поощрял эти попытки импровизаций, даже подсказывал нужное, а она его так хорошо понимала и отзывалась игрой. Всё чаще становились эти уроки. Теперь уже не только вечерами, но и утром, и днём Елена играла. У неё получалось. Она узнала вдохновение, что-то сочинялось само собой, но практически не запоминалось. Не обладая хорошим слухом и навыками игры, она не могла воспроизвести второй раз то, что хорошо удалось сыграть вчера. Пришлось купить диктофон и записывать экзерсисы. Это оказалось чудом – красивые мелодии, несколько необычные, ни на что не похожие.

Заметила Елена, что рояль стал по-новому блестеть, можно сказать, он сиял от радости, от восторга. Это её приободрило, прибавило уверенности и настойчивости. Какая радость! Ей открылся целый мир неведомого счастья совершенно свободной игры на прекрасном инструменте. Теперь она жила в мире звуков и была благодарна своему настоящему другу – роялю.

Какой яркий период в жизни наступил, и как всё неожиданно, словно в сказке. Она всегда относилась к этому роялю почтительно, с душой и нежностью. Он отплатил ей взаимностью: любовью и признательностью. Чувства были обоюдными, а дары друг другу – неординарными.

Друзья не верили своим ушам. Так играть мог только мастер. А каков звук исходил от рояля!

Болгария. Август 2014 г.

СМЫЧОК

Он одинок и считает себя вдовцом. Его Скрипка ушла к другому. А для него она умерла. Она не прощалась, не объясняла, сделала вид, что его просто не видит и уж, конечно, не слышит. Её уход был стремительным и радостным, это можно назвать триумфом.

Красавицу-шатенку с золотисто-медовым отливом давно заприметил скрипач. Он ходил вокруг да около, присматривался. Она кокетничала, старалась показать свою тонкую талию в выигрышном свете, иногда скатывалась до пронзительных цыганских эмоций. Да уж, лучшего не смогла придумать... Она никогда не была умницей. Взбалмошная представительница золотой молодёжи. Из известнейшей семьи (не стану называть фамилии). Словом, она так выкручивалась, когда он пробовал играть, что он её решил приобрести во что бы то ни стало, готов был ждать. Конечно, скрипачу было известно, что она замужем, но его не останавливало это обстоятельство.

Все знали о, казалось, неравном браке, заключённом вопреки воле родителей Скрипки. Она специально выбрала его, чтобы доказать свою независимость. Это был настоящий эпатаж. Струнный бомонд тогда бурлил. Но прошло немного времени и оказалось, что он совершенно не простак, как думали эти позёры. Характер у него был прямым, уравновешенным, что особенно ценится в среде смычков. Ей даже стали завидовать и не раз пытались отбить его. Скрипка часто рыдала, будучи истеричной, но обладала такой невероятной красотой и женственностью, что он не в силах был обижаться. В то время их невозможно было разлучить, влюблённых друг в друга и в свою Скрипачку. Знатоки же понимали, что именно от него зависело качество звучания и удобство игры.

Скрипачка – способная и успешная молодая дама. Сначала Скрипка и Смычок её просто обожали, возносили до небес, тогда это было вполне гармоничное трио. Сколько аплодисментов они срывали. Родовались, пировали, их приглашали на самые престижные концерты. Это называлось фурором.

А потом – потом всё закрутилось-заварилось. Новый роман с иностранцем-бизнесменом, ни черта не смыслящим в музыке. Казалось, Скрипачка стала иной, она теряла всё своё обаяние, проникновенность в музыкальный мир, её душа менялась на глазах.

Несколько лет спустя дама так взбунтовалась, что решила всё бросить, продать инструмент и уехать с тем господином на самый далёкий и самый зелёный континент. Она забыла музыку, не только свой Смычок. С лёгкостью продала Скрипку тому влюблённому скрипачу, который эти годы, оказывается, ждал счастливого момента. А Смычок, которого она так высоко ценила, чуть ли не выше самой Скрипки, просто оставила дома, потому что дёшево продавать его не хотела, а подходящих вариантов в то время не возникло. Хозяйка всё оставила в столице и никогда не вспомнит о прошлом, ведь настоящее для неё важнее.

Скрипка и Смычок были поражены резкостью и пренебрежительным отношением к ним в последние недели перед расставанием. Просто больно вспоминать, и физически, и душевно. Как она давила на Смычок, что даже трость касалась струн – такого раньше она себе не позволяла. Всё делать стала наспех, резко, порывисто. Вот и Скрипка в её нервных руках стала сходиться с ума, съехала с позиций. Но Смычок оставался в норме. Он так старался соответствовать своей завоёванной трудом репутации, но больше от него ничего не зависело: при помрачении двух его дам он был бессилён.

А каким он был, если бы вы знали!

Трость из фернамбука – красного бразильского дерева. Колодка – из африканского чёрного дерева. Его тело ещё помнит северные районы Бразилии, Африку. Ощутил и дары Монголии: ведь волос был от настоящих монгольских белых тяжеловозов.

Над Смычком, действительно, поработали отличные мастера своего дела.

Трость упруга, изящна, почти прямая, лишь чуть изогнута внутрь. Осанка Смычка, то есть стрела прогиба – идеальна, а это важнейшая составляющая в расчёте при выпиливании и обстругивании трости. Ох, и досталось же фигуре! Примерно такой процесс проходит девушка, готовящаяся на конкурс Мисс Мира: коррекция некоторых пропорций, постоянные физические тренировки, диета, массажи, снова коррекция... Но каков результат! Дальше – самостоятельная жизнь, зависящая от того, кто будет играть этим Смычком и на каком инструменте. Судьба каждого – целая история.

На нём не было особо дорогих стразов и золота, но зато фигура и стать – всем на зависть. Он умел, как никто, создавать великолепное звучание. И всё в нём гармонично. Это благородный Смычок. Как всякий истинный *ари-сто-крат*, он скромн, сдержан, умён, образован. Но вот счастлив ли?

Болгария. Август 2014 г.

Старый Дом

Старинные парки, удобные скамейки, аллеи, фонтанчики с целебной водой, медленно прогуливающиеся отдыхающие. Чистейший воздух и покой. Это курорт Банкя. Здесь много домов, типичных для всех европейских курортов, помнящих давние времена: шпили, купольные крыши, круглые слуховые окна в барочном обрамлении.

Уже много лет старый Дом стоит, как заколдованный, его давно покинули жильцы, они ушли из этой жизни в иную. Дом прожил свою жизнь, как и человек: был юным, взрослым, старел, болел, а теперь просто одинок. Но полон воспоминаний.

Дом родился. Он живёт. В нём семейство ест и пьёт. Дом взрослеет. Внутри в нём суетятся утром, днём. Дом стал старым, одряхлел, и хозяин заболел. И хозяин, и сам Дом – одинокие вдвоём.

Сад вокруг маленький, поэтому Дом виден со всех сторон прекрасно. По соседству высится новый, богатый, большущий – недурён. Но нет в нём ни очарования, ни тайны. А это большая редкость столкнуться с тайной в многолюдном курортном городке. Чувствуется в этом полуразрушенном Доме былая, счастливая, радостная, грустная – словом, разнообразная и долгая жизнь...

Отзвуки былого здесь ещё живут. Помнят эти стены праздники, уют, танцы, игры, прятки, детские стихи, поцелуй украдкой, страсти и грехи.

Светло-бежевая неяркая краска и коричневые вертикальные балки на уровне второго этажа. Красная разрушающаяся черепичная крыша. Дому придавали когда-то изысканность эркеры с четырёх сторон, два входа с красивейшими лестницами серого камня, на удивление до сих пор не разрушенные. Балконы, точнее их руины, на втором этаже, мансарда.

А балкон разрушен. Вход зарос травой. Галки свили гнёзда. Кот живёт слепой.

Дом обезлюдел давно, некоторые оконные стёкла разбиты, другие закрыты деревянными жалюзи, а местами заколочены наискосок досками. Двери кое-где приоткрыты.

Призраки былого проникают в Дом. Здесь его хозяин, дама в голубом. И любовник страстный, слуги – чередой. Мимо все проходят, проникают в Дом. В углу висят иконы: Божья Матерь, Спас. И лампада светит: кто-то был до нас...

Парадный въезд помнит свадебную процессию, жениха и невесту, их родителей. Голубая спальня с белыми занавесками ещё хранит ощущение счастья, там слышится лёгкий смех, шёпот влюблённых. Можно легко представить, как был построен этот красивый Дом, как поселилась там счастливая семья, всё было у них впереди: детский смех, любовь, праздники, проблемы, болезни, слёзы, счастье – жизнь.

Большая столовая с камином и огромным овальным столом на массивных ножках с печалью отдаёт мне воспоминание о запахе дров в камине, об ароматах вкуснейших яств, о разноголосье гостей. Приходят тени нарядных дам с высокими причёсками, лёгкий запах духов, дыма сигарет, приглушённые звуки рояля...

Эркеры, два входа в Дом, лестницы под фонарём. Черепица – красная, улица – горластая. Светится тот Дом огнём, весело мы в нём живём. Дом наш дарит всем уют, для гостей готов приют.

Коридоры тёмные, здесь дух сырости и одиночества, деревянные ступени скрипят, а не поскрипывают, уже не различить без света цвет стен, поблёкли краски.

Вот кабинет хозяина, окно смотрит на мощёную улицу, старые липы, напротив училище, оно до сих пор живо, учащиеся снуют туда-сюда. В кабинете осталась только книжная полка из массивного дуба, наверное, её невозможно было снять, да и стара она... На полу валяется никому не нужная записная книжка с оборванными по краям жёлтыми страницами, вылинявшими чернилами, в красном сафьяновом переплёте.

В гостиной два кресла около всё ещё красивой изразцовой зелёной печи, потемневший пейзаж в массивной раме. Кресла стоят именно так, как будто в них сидят и беседуют. Настенные часы без стрелок лежат там же на полу. Лёгкая занавеска летает у разбитого окна, как птица. Все вещи в Доме говорят шёпотом, но каждая своим особым голосом. Лишь часы молчат, они теперь только смотрят.

Крылья занавески летают у окна, паутинка свесилась низко с потолка. На лице нет стрелок, немые те часы, а в углу за печью шепчутся сверчки.

А вот и старинное зеркало без рамы, края изысканно обработаны змейкой. Может, и не было рамы. Зеркало всегда таит что-то мистическое, суеверные думают, что тени прошлого могут оживать, выходить из зеркала и жить своей, ни от кого не зависимой, жизнью. Может, и так. Кто знает?

Старое зеркало память хранит, с нами о давнем оно говорит. Пылью подёрнута зеркала гладь. Нам будет трудно суть угадать. Вот тень генерала тихо явилась, дети его нам удивились. Сколько наград, много крестов – их заслужил он во время боёв. Там и жена молодая была, только грустна, и всё плачет она. Зеркало вдруг пеленою покрылось. В комнате гроб, и толпа там молилась. Всё нам понятно теперь... Мы уйдём. Дверь же прикроем и в залу пройдем.

Именно здесь, в зале, бывали танцы, шумные счастливые сборища гостей. И Рождество, и именины праздновали на первом этаже в огромном зале (в огромной зале – так говорили раньше). Приглашали музыкантов, здесь пели, танцевали, сюда же ставили высокую рождественскую ель...

Походив по старому Дому, напившись его воспоминаниями, чувствуешь, что о многом можно было бы его расспросить. А он бы с радостью поделился своими историями, ему есть что вспомнить, пережить заново и старческим голосом поведать нам разные секреты.

Грустно так, печально, семьи нет уже. Дома увяданье тихо шепчет мне: «Приходите, люди, и живите здесь. Подарю вам радость, дам и мир чудес».

Болгария. Банья. Июнь 2014 г.

Часы

Старую квартиру в центре Москвы на углу Тверского бульвара освободили от мебели, подготовили к ремонту. Вывезли на дачу к друзьям всё, за исключением напольных Часов и старинного буфета из вишни. Эти реликвии настолько ценились в семье, что руку поднять на них было невозможно. Со стариной надо считаться, хотя время идёт, бежит, летит...

На тяжёлых дверцах буфета сложился замысловатый орнамент из природного узора самого дерева. Кроме того, дверцы эти были волнообразны, несмотря на свою массивность. Этот царственный, несколько пузатый и толстоватый старец жил в столовой, а мощные, высокие, никогда не сходявшие с места Часы (они ведь умели *ходить* по-иному) жили в углу кабинета. Оттуда, из своего угла, Часы видели буфет и своим боем привлекали его внимание, они давно подружились и не представляли себе жизни друг без друга.

Третья комната – спальня. Таисия и Арсений купили диван, чтобы оставаться на ночь, если после проведённого за ремонтом дня будет поздно возвращаться домой в новый район Москвы.

Казалось, что два древних «жильца» строго предупреждали новых владельцев:

– Живите, люди, создавайте свой мир, свой интерьер, а мы, старожилы, будем наблюдать ещё одно столетие за вами. Только уж, пожалуйста, оставьте нас в покое.

Золотистый циферблат, золотистые гири и маятник прекрасно гармонировали с тёмно-вишнёвым цветом дерева. Изящные римские цифры показывали время в этой квартире уже больше ста лет. При появлении новых хозяев что-то неуловимо изменилось во внешности высокого старика-красавца. Может быть, легкая улыбка? Одиночество, похоже, завершилось, появились новые слушатели...

Однажды, устав за день, Тая решила там переночевать. Ночью послышался негромкий, деликатный и очень мелодичный бой Часов. Ей почудилось или действительно это случилось? Бой каждые полчаса продолжался всю ночь. Утром – тишина, Часы стоят, как ни в чём не бывало. Тая рассказала об этом мужу, он, конечно же, посмеялся над фантазёркой. На следующую ночь оба слышали бой Часов. Арсений подошёл к ним, чтобы убедиться в яви звука. Стрелки бегали, маятник двигался.

Тая не спала в ту ночь и услышала рассказ Часов о семье её родственников, которые жили издавна в этой квартире. Она слушала и смотрела (или представляла себе?) занимательные сюжеты из прошлого её родни. Не выспалась, а рано встав, чтобы выпить кофе, обнаружила Часы замершими. Куда девалась жизнь? Они застыли, причём на том же времени, что было изначально – 2:30. Чудеса. Ей не было страшно, она даже обрадовалась в предчувствии полной сюрпризов жизни. Уж скорее бы этот ремонт закончить и вселиться сюда! Арсений молча улыбался. Кажется, он тоже что-то испытал необычное, но не пристало мужчине в мистику верить, тем более, обсуждать это.

Дни Таисии теперь проходили в ожидании ночных рассказов под звон Часов. История семьи, история дома – свидетеля событий с конца 80-х годов 19 века, когда его построили и туда вселились Орловы (Орловы по мужской линии). Являлись виды бульвара, каким он был в разные годы, она видела, как надстраивали ещё четыре этажа, как позже заселяли, уплотняли квартиры многочисленными новыми жильцами. Старые жильцы неведомо куда исчезали. Менялся тип людей, менялась лексика, да что говорить – менялись смыслы... А дом стоял. И те, кто жили в доме, то покидали его по собственной или чужой воле, то возвращались, если везло.

Так время шло, бежало, летело, или плелось, или замирало. Это зависело и от обстоятельств, и от мировосприятия тех, кто жил там. Поэтому Часы были символом жизни. Ход или бег их стрелок, их голос – всё чувствовалось перемены. Но самое невероятное: Часы запоминали

все детали жизни. Время – великая тайна, до сих пор умы бьются в определении его. Время – это и мера движения материи, и форма созерцания явлений, длина мысли Творца. Там, где нет времени, нет мысли. . . Может стать так, может иначе, много версий, разногласий на эту тему. А оно идёт, бежит, летит, или плетётся, или замирает. И попробуй поймай его, а задумавшись над его сутью, уйдёшь в дебри, но ничего не узнаешь – тайна закроет, не покажет искомое.

Вот опять пробили, а шлейф звука остался. Немного шепелявить стал старик, покашливает слегка, но в целом, мелодично играет, чётко выполняет свою работу. Или это всё кажется? Или снится? Или это происходит в иное время?

Как-то утром Таисия попросила Арсения отодвинуть Часы и посмотреть, что спрятано под ними. Муж посмеялся этим новым причудам, он ведь давно замечал за женой такие склонности к сказочным сюжетам. Он счёл это обычной шуткой, разыгршем, так же с улыбкой пообещал выполнить просьбу и, конечно, за ремонтными работами забыл об утреннем разговоре. Жена вечером уже всерьёз, настойчиво стала просить отодвинуть Часы, потому что там, под ними, хранилось важное. Он возмутился: во-первых, это тяжело и можно повредить и корпус, и стекло, во-вторых, глупо (без пояснений). Вот тогда Тая заплакала.

– Хорошо, завтра друг всё равно придет помогать с ремонтом, тогда сделаем вместе, только не плачь, родная.

Наверное, эти Часы так и стояли сто лет в углу, нижняя, самая тяжелая их часть, тумба, будто проросла корнями в пол. Они не хотели поддаваться. Но пришлось. Паркет поднять тоже было нелёгкой задачей, справились и с этим. В пустом пространстве оказались две жестяные коробки. Одна из-под монпансье, небольшая, таила в себе золотые монеты. А вторая – размером значительно больше, плоская, из-под карамели. Эта коробка выпущена к 100-летию Бородинской битвы в 1912 году. На крышке – картина, эпизод битвы с французами. Внутри – родословная семьи Орловых и связка ключей. Это уже настоящий клад, со своей загадкой, которую придётся разгадывать.

Время идёт, бежит, летит, или плетётся, или замирает. . .

Видно, в революционные дни спрятала семья самое ценное и запрещённое. Они надеялись, что золото всегда пригодится в трудное время, а сведения о благородном семействе, тогда сулившие каторгу, будут востребованы по прошествии тёмных времён. Ключи, наверное, от дачи в Перловке, которую строили Орловы в самом начале XX века. А кто знал об этом тайнике, пропал, погиб. И вот пришло оно – время. Каким чудом могла Таисия услышать ночью эту тайну? Как Часы поведали ей о спрятанном буквально «во времени», в Часах? Арсений с другом от неожиданной находки буквально онемели. А она, Тая, сразу стала разбирать родословную. Заканчивалась летопись рода на её бабушке Надежде и её брате Николае, родившихся в 1914 и 1915 году. Тая немного помнила и свою прабабушку Лиду. А теперь она сможет воплотить в жизнь мечту и опишет тех, о ком ей рассказывали родные, а она в детстве и юности всегда просила вспоминать о предках, о старых временах – больше всего ценила именно эти истории. Так и просила: «Расскажи быль». Осталось несколько писем, фотографий и открыток от давних времён – реликвии сохранились в семье. Похоже, настаёт их время. Оно идёт неспешно, размеренно, как будто знает всё, что должно случиться в своё время.

А Часы никак не напоминали о быстротечности времени или о суете, скорее своей солидной осанкой они давали ощущение ровного хода времени, утверждали спокойствие, радостную стабильность. Часы обладали уверенным, открытым характером умного и благополучного хозяина дома. И темы, затрагиваемые ими ночами, когда, наконец, объявилась благодарная слушательница, были всегда для неё интересными, именно поэтому Таисия так ждала очередного рассказа. Иногда она не была уверена, слышит ли она этот текст или воспринимает его интуитивно, главное, что повествование было правдивым и для неё представляло интерес, потому что предназначалось именно ей. Часы, знакомые ей с раннего детства, только теперь

стали родными, одушевлёнными. Эти свидетели ушедшего и настоящего времени делились с ней памятью.

Таисию потряс рассказ о рано овдовевшей прабабушке Лидии, работавшей сестрой милосердия в Гражданскую войну в московском госпитале в Лефортово. Там она встретила однополчанина своего погибшего супруга, который и рассказал ей детали боя, как они оба были ранены, о последних мучительных часах жизни Станислава Томашевича. Лидия вечером поведала об этом семье, и Часы стали свидетелями слёз. Надя совсем немного помнила отца, но любила смотреть на фотографии молодого и красивого Станислава.

Часы вспоминали о скромной свадьбе бабушки и дедушки в 30-х годах, о том, как вся семья лепила пельмени (дело было зимой), пекли пироги с картошкой. Было весело, пришли друзья молодожёнов – праздновали здесь.

А вот как познакомились молодожёны – тому Часы не были свидетелями. И теперь Таисия передавала им красивую историю знакомства Владимира Любимова и Надежды Томашевич.

И тогда время замирало и слушало, как в дачном посёлке в Малаховке по старой традиции ещё устраивали «белые» (цвели яблони и вишни) и «сиреневые» (цвела сирень) балы. В гости к приятелям приехало семейство с дочерью Надей. В тот день был «белый бал», и вся молодёжь собралась у Летнего театра. Там и познакомились молодые люди. Потом, после свадьбы, они проводили лето то в Перловке – на Орловской даче, то в Малаховке – на Любимовской даче, со стороны деда. Таисия уже не знала этих дач, их отобрали в 1941 году. А чтобы съездить и найти эти живописные дачи, не было и речи: бабушка ни за что не хотела видеть отобранные и разграбленные места, где они были так недолго счастливы.

Часы помнили, как родилась Вера, мать Таисии, незадолго до начала войны, в 1941-м как бабушка Надя проводила на фронт своего мужа Владимира, а сама не поехала в эвакуацию, а с 1942-го работала медсестрой в госпитале. Часы – свидетели счастья встречи бабушки и дедушки по окончании войны. Тёплые чувства к родным обволакивали Таю, она погружалась в прошлое семьи и теперь больше понимала их жизнь. Жаль, что ей не дано было многого почувствовать раньше.

Время идёт, бежит, летит, или плетётся, или замирает...

Перебирая в руках связку старых ключей, Таисия вспоминала, как играла с похожими на эти ключиками, обводила самые большие из них разноцветными карандашами, потом раскрашивала. Наивность предков поражала: они думали, если спрятать ключи, то никто не посмеет зайти в дом, тем более занять его без ведома хозяев. Да, в революцию не отняли, а в сталинские годы просто пришёл бывший друг семьи и под угрозой доноса на всех членов семейства (это верная гибель) отобрал оба комплекта ключей от домов – и молчи. Он и не скрывал цели, у них семья большая, дачи нужны. Беспредел творился. Было две красивые дачи с башенками и резными балкончиками, с верандами, застеклёнными разноцветными стёклышками. Старые сосны, аллеи жасмина, флоксов. Остались фотографии: юный дед на велосипеде в Малаховке и бабушка Надя, девочка-подросток со своей бабушкой и родителями за столом в саду на даче в Перловке. Всё. Рассказы бабушки о даче были похожи на весёлые сказки. Дед обожал вспоминать дачную развесёлую жизнь тоже. У Таисии и Арсения не было своей дачи. И вот теперь они обладали ключами в прямом (связка ключей) и иносказательном смысле (родословная) от одного из дворянских гнёзд.

Время идёт, бежит, летит, или плетётся, или замирает...

Ремонт заканчивался. Супруги завозили книги, мебель, расставляли её по своему вкусу. Буфет и Часы оставались на своих местах, по негласному уговору. Теперь Арсений и Таисия решили регулярно заводить Часы, как было принято раньше, они больше не полагались на ночные откровения и хотели слышать деликатный бой Часов круглосуточно – эта атмосфера родового жилья должна была продолжиться после перерыва.

А время идёт...

Москва. Сентябрь 2014 г.

Зелёное вино

Это весёлое вино, резвое, юное, от него не оторваться. А оно спешит, иногда от своих молодых эмоций немножко пузырится, захлёбывается и убегает: скорее, успеть же надо!

Vinhos Verdes – Португальское Зелёное вино (будем звать его по имени, с прописной буквы).

Видится слегка шипучий напиток цвета хризолита. Этот полудрагоценный камень имеет яркий, жизнерадостный оттенок светло-зелёной травы или морской волны, но уже растаявшей на белом песке, и часто он полупрозрачный, что роднит хризолит с португальскими зелёными винами. Эти вина так же разнообразны в оттенках и цветах, как их более южные собратья из других регионов: красные, розовые, белые – тем не менее, все они Зелёные.

В Зелёных винах меньше алкоголя, они поголовно все отрицают зрелый возраст и не хотят расставаться с молодостью. Что поделать! Таков заносчивый характер этих северных португальцев – Зелёных! Их не соблазнить тем, что с возрастом они приобретут некий ореховый, ванильный или медовый вкус. Нет! Им не нужно ждать, они предлагают себя сегодня, сейчас, после сбора урожая и подготовки к продаже. Красные – резковатые, терпкие – явно на любителя (преимущественно из местных жителей). Ими угощают в чашах, по-домашнему, без выкрутас: «Пейте, люди добрые, мы не избалованные, готовы быть налитыми в простые белые чаши, они у каждого португальца имеются дома. Для нас важен не антураж, а весёлая компания». Зелёное вино, будь оно красным, розовым или белым, всегда дарит ощущение юности.

Свежесть – вот отличие Зелёных от иных. Возможно, северные области Португалии этому способствуют: там не всегда до полной готовности вызревает виноград, потому он чуть менее сладкий и не отличается изысканным вкусом. Да уж что там скрывать, попроще он! Как и сама молодость, если помните... Не так уж важно было, в каких интерьерах летом отдыхать, важна была своя компания, дружеские, тёплые отношения, веселье, а также природа: море, горы, лес, озеро, река, воздух и звёздное небо. И ветры, освежающие и подгоняющие, не церемонящиеся, дающие настрой на преодоление, на победы, радость и обновление.

Может быть, так и получился зелёный цвет этого самого вина: голубое небо смешалось с солнечными золотыми лучами и превратилось в Зелёное вино.

Это не игристое вино, хотя оно играет с пьющими его, собирая на поверхности весёлые пузырьки. Они чуточку пощипывают, покалывают язык, как льдинки в жару. Кстати, это вино всегда должно быть прохладным, чтобы остудить разгорячившихся.

Как и всё в молодости, Зелёное легко пьётся, легко забывается, с лёгкостью вспоминается. И всё с улыбкой.

Москва. Февраль 2015 г.

ОЛИВЫ

Вы видели старые оливы в Средиземноморье? Наверняка.

Но не все обращают пристальное внимание на них, своеобразных и по-своему величественных и прекрасных. Их древность просто невероятна: бывает более двух тысяч лет. Тысячелетний возраст маслины не редкость. И ещё поражает жизненная сила этих вечнозелёных: у них есть свойство самовосстановления. Они всегда смело противостоят любому негативу. Снимаю шляпу, уважаю за силу и такую любовь к жизни.

Корявые, часто нелепые, переплетённые стволы, выпуклые, толстые, мощные «бычьи» шеи (место, где ствол и корень соединяются), выпирающие из земли кривые корни. Стволы высотой всего около метра, внешне кряжистые, шершавые, грубые, как уже не молодые крестьяне, работающие в масличных рощах. Их не сравнишь с изящными берёзами или ивами. Оливы – древние труженицы, кормилицы многих народов, им не до показных изящных, изысканных экстерьеров.

Не откажешь себе в желании вдоволь насмотреться на типажи редких «натурщиков» или «натурщиц» – древних деревьев. Они просят, чтобы их запечатлели в живописи или в ваянии. Эти изваяния или картины проживут лет сто и исчезнут, а деревья не только останутся плодоносящими и зелёными, но ещё и помолодеют! Можно пройти по краю рощи или углубиться. Не найти похожих – все разные, каждое дерево особенное, оно привлекает, его хочется зарисовать или сфотографировать, а дома долго рассматривать, соприкасаясь с его историей. Нередко встречаются двойные и тройные стволы с дуплами, многочисленными пустотами, образующими решётки и узоры. Стволы, как артритные узловатые суставы: скрючены, неестественно сцеплены, неразрывно связаны между собой – декоративны. Кажется, некоторые из них были когда-то подстрижены не увлечённым эстетическим чувством, а очень уставшим и спешащим домой обрезальщиком, наскоро укоротившим толстые ветви, чтобы на них выросли молодые (плодоносят двухлетние веточки). Оливы регулярно подстригают, что делает их головы кудрявыми и всегда молодыми. Шелест миллионов листочков, их двухцветность, постоянная переливчатость и болтливость – всё это свойства молодости. Серебристые, на ветру они, будто мальки, резвятся у морского берега, поворачиваются то одним, то другим боком, сияя на солнышке серебром и тёмной зеленью.

Крона напоминает чашу (специальная стрижка), куда легко вливается солнце и обогащает жарким золотом плоды. Становясь фиолетовыми, они отдают накопленное богатство людям. Оливковое масло – и лекарство, и пища, и косметика – всё с самых древнейших времён и поныне. Листья оливы исцеляют раны, укрошают лихорадку. Венки и ветви оливы – символы мира, знания, победы, бессмертия, олицетворение целомудрия – редко какому растению так повезло с символикой.

Тайна их долгожительства поражает. А связь древних стволов с молодой кроной настраивает на оптимистический лад такого союза и сотворчества: одно без другого непродуктивно и нежизнеспособно.

Старые деревья имеют вид скульптур, а иногда даже архитектурны. Их надо рассматривать с разных сторон, чтобы составить представление о внешности и о характере. Некоторые типажи гостеприимны: в их дупло бывает легко спрятаться, как в глубокое кресло, его спинка и подлокотники надёжно обнимают, а листва спасает от солнца. Жучков и мошек там не водится, очень опрятны эти деревья. Древние, они свидетели, заставшие знаменитые города ещё молодыми. Сколько людей и событий проходило мимо них, а они запоминали, копили лица, историю, а теперь так же смотрят на нас: проходите и вы. И мы проходим, но оставляем ли след?

Москва. Март 2015 г.

Шаль

Простая, скромная, не эффектная, как другие, наверное, можно пройти мимо. С одной стороны она палевая, цвета светлого и сухого песка, с другой – цвета мокрого песка, но с обеих сторон рисунок одинаковый, традиционный индийский. Эта шаль несколько мимикрирующая, не яркая, не кричащая. Она приятная: тонкая, мягкая шерсть и к тому же струящаяся изящными складками. Потому что пух, по традиции, весной вычёсывается с шеи высокогорной козочки, и ткань получается невесомой и ласковой. Такой шалью хочется укрыться от прохлады, защититься от внешнего. Кисти незатейливы, тоже из простых: не длинные, без узоров переплетений – обычные. И всё кажется невзрачным, но почему-то притягивает. А каково наименование – шаль... Деликатно, тепло, уютно, изысканно – одновременно. Имя, если его повторять, прозвучит короткой, приглушённой, немного таинственной музыкальной фразой: *шаааль – шаль*. Персидское имя, но кажется, пришло это произношение от французов – тоже добавлен флёр изысканности.

А ещё иногда от шали исходит едва заметный, прозрачный (или призрачный?) аромат свежескошенной травы или волнующегося моря – несколько неопределённый, но очень свежий запах, напоминающий то ли ветер на вершинах гор, то ли озон после грозы.

Она манит, зазывает, но так тонко, ненавязчиво, навевает кое-какие воспоминания о той, чьи плечи покрывала, а потом так стремительно падала на землю и свивалась в складках – тогда эта причудливая драпировка могла быть прелестной находкой для художника – самому такое не сделать, только она может улечься столь живописно и позировать, сколько надо. Сочетание, игра близких цветов песка и соломы, причудливых природных узоров... Смотреть и смотреть, и находить всё новые ассоциации. Недоумевать, чем же привлекательна она? Ведь так бывает и с людьми: голову сломаешь, почему притягивает.

Шаль. Жаль. Немного жаль, что не удалось разгадать всего и увидеть, кто её ткал и придумывал для неё рисунок и цвет, кому она принадлежала и почему так приворожила...

Москва. Февраль 2015 г.

Шёпот

Зелёно-голубые шторы из шероховатой ткани, напоминавшей жатую бумагу, украшали большую и светлую комнату. Их приглушённый шелест был похож на шёпот волн и придавал комнате морское дыхание. Когда из окна или открытого балкона дул ветерок, шторы шуршали (или журчали?), как набегающий на гальку морской прилив, и задавали тон началу беседы в гостиной.

Шёпот был главным героем этой гостиной, потому что давал возможность каждому предмету выразить своё отношение к жизни, озвучить памятные события, пообщаться друг с другом. Не будь его, все бы молчали. Его ждали, и когда он являлся, каждый радовался и готовил свой рассказ. Шёпот был свободен, мог жить, где пожелает, но полюбил хозяев, привязался к интерьеру и поэтому решил остаться здесь. К тому же, некий артистизм его натуры давал возможность проявлять себя неординарно. Он одаривал предметы интерьера разнообразными интонациями (подумать только!), выявлял таким образом их характеры и меняющееся настроение.

Густым неторопливым шёпотом переговариваются диван и стулья. Более сухой и быстрый шёпот слышен от зеркала и столика маркетри.

Хрустальная и довольно шумная люстра с подвесками и два таких же бра неохотно шепчут, потому что желают говорить в полный, звонкий голос. Шёпот не для них: разгореться и светить в 100 ватт минимум, звонко и ярко блистать – таково их предназначение. А вот послушать соседей они не откажутся – слух у них отменный.

Гордостью гостиной было высокое, до потолка, зеркало-трюмо в стиле рококо. В золотой резной короне оно стояло на золочёных же деревянных резных ножках и имело по бокам украшения, напоминавшие свисающие изящные серьги – тоже позолоченные. Это дивное зеркало каждый раз извлекало из накопленных отражений всё новые и новые сюжеты. Жизнь прошла мимо него в разных комнатах и домах с конца XIX до XXI века. Уж оно могло шептать и рассказывать всем о таком, чего другие не видели. В нём сохранилось бесчисленное множество характеров, типажей, костюмов, мимики, поз и жестов... Ему доверяли, и оно никогда не разглашало тайн. И только теперь из его дивных историй слагались целые семейные саги и романы-адаптеры.

Если прислушаемся, то сейчас идёт рассказ о семье, которая первой приобрела это сокровище – высокое и статное трюмо. В зале тогда сияли огни, играл струнный квартет, приглашены были гости по случаю въезда семьи в только построенный новый дом. Блеск украшений, изысканность причёсок и туалетов – всё отразилось и осталось в зеркале навсегда. Кажется, молодые хозяева чувствовали это и сегодня, иногда они пытались рассмотреть некие призраки прошедшей жизни в зеркале, фантазия и рассказы старших им помогали. Брат и сестра и их друзья ценили необыкновенно красивую обстановку квартиры, особенно этой комнаты. Всё там дышало современным воздухом, но «декорации» были старинными, совсем не стандартными, как в похожих одна на другую соседних квартирах.

В центре комнаты был овальный стол и стулья из красного дерева, диван с украшенной резьбой спинкой, на каждом из его округлых подлокотников – рог изобилия, наполненный цветами и фруктами. Именно так, в полном достатке (но недолго), жила семья бабушек и дедушек больше ста лет назад. Поодаль стояли два кресла из того же красного дерева, они перешёптывались друг с другом и слушали доносящееся до них общее неразборчивое шептание.

Когда начиналась беседа стульев, кресел и дивана, стол чувствовал себя центром, главным участником – мимо него не ускользало ничего. Позже, когда шёпот соседей сходил на нет, он начинал свой спокойный монолог о прошлых застольях. Все с интересом слушали, потому

что были тому свидетелями, но сами многое уже забыли, ведь очень давно всё изменилось: и стиль жизни, и поколения, и меню застолий...

На всё это смотрела несколько свысока Собака – картина художника Моррена в позолоченной раме. Её запоминали все гости, и часто она являлась чем-то вроде визитной карточки. Без неё немислим был дух этого дома. Собака, пожалуй, единственная, кто не шептала, она наблюдала и оценивала. Шёпот её немного побаивался, но не признавался в этом.

Словно лёгким голубоватым туманом наполнялась гостиная разнородными голосами, но всё шёпотом, так тихо, чтобы не потревожить, не вспугнуть тени прошлого. Голубой, чуть золотом светящийся туман пронизывал каждую вещь, он лился в окна сквозь шуршащие шторы и не хотел покидать это жильё, так богатое преимущественно приятными воспоминаниями.

Шёпот жил тихо, уединённо, за высоким зеркалом, в углу. Так он отгораживался от суеты и от шума, которого просто не переносил. Он жил в ожидании своей единственной любви – улыбки.

Когда она пришла, шёпот онемел от счастья. Объединившись, застыв в улыбке и прижав палец к губам, они произнесли: шшшшш... Все кругом замерли в восторге свершившегося, а потом зашептали, заулыбались, поняв значение произошедшего. Лёгкая улыбка, чуть слышный шёпот, мягкий свет заката через волнующийся шорох штор цвета морской волны.

И это вовсе не конец...

Москва. Март 2015 г.

Москва

Сильная, статная, гостеприимная, доброжелательная, широкая, сердечная. Она же заводная, неугомонная, стремительная, порой эгоистичная. Нередко по простоте характера напористая, случается даже вынужденно нахальная. Но при этом открыта всем. Знает себе цену, и не ошибается в этом: умна.

Не сказать, что в этой красивой и теперь современной столице удобно жить. Нет. Здесь многое неудобно, потому что мегаполис огромен и продолжает увеличиваться. Город перенаселён и перегружен машинами. Из конца в конец на городском транспорте добираться никак не менее полутора-двух часов, а на автомобиле вообще непредсказуемо долго. Но чем-то притягивает этот город... Может быть, способностью меняться, сохраняя стержень своей души неизменным. Может быть, готовностью принять всех, кто нуждается, и оказать содействие. Может быть, своей изначальной кольцевой структурой – ведь именно эта закольцованность, отсутствие острых углов и линий придаёт мягкость, даже запутывает живущих в ней: а пусть походят, поищут переулки в центре города. Москва ближе к женственной сущности, Петербург – к мужской. От Москвы иногда надо отдыхать, как от болтливой, хотя и любимой, женщины. Но уехав, так тянет обратно в домашний городской и привычный уже уют.

Приезжие рвутся на Красную площадь. Конечно, там Храм Василия Блаженного. Редко кто обходит его лабиринты внутри, чаще ограничиваются созерцанием экстерьера. Из моих знакомых, пожалуй, никто не расскажет детально об этом известнейшем храме, да и не часто ходят туда москвичи. Изначально построили восемь церквей вокруг центральной, девятой – там было непросто ориентироваться и надо бы помнить, какой придел посвящён какому святому или празднику. Позже пристроили ещё престолы, всего их, кажется, одиннадцать. Восемь церквей вокруг основной, девятой, на общем основании, фундаменты, цоколь и некоторые детали были построены из белого камня, тогда как весь храм из кирпича. Занятное сооружение и очень уж московским оно получилось, один декор чего стоит! Его надо разглядывать. Можно заметить элементы русских народных шкатулок, вышивки, росписи. Как улочки и переулки петляют, бегут то вверх, то вниз, так и храмовые детали то взбегают вверх быстренько, то уведят вас в сторону... Голова идёт кругом от разнообразия и переплетений множества деталей. Резные входы, арки, шатры, крыльца, площадки, разнообразная роспись. Похоже на сказку. Кто теперь вспоминает, что собор был сначала в основании белым?!

Трёхметровые стены общего для всего сооружения основания (подклета) прорезаны отверстиями – продухами. Хранили там казну, в подклете были сплошные тайники, даже спускающаяся сверху из основного храма лестница была тайной – её обнаружили уже в XX веке. Одна, общая для всех, обходная галерея и многочисленные переходы – много отличий этого храма от других.

Раньше все сравнивали Москву с Петербургом и считали её похожей на купчиху, в отличие от аристократичного Питера. Теперь и купчих нет, и Москва изменилась. Когда я пытаюсь в целом увидеть мой город и сравнить с образом колоритного человека, вижу, что многообразной Москве не уместиться в ограниченное подобие. Мне представляется собирательный образ. Москва – это, скорее, большая семья, где в просторном доме живут бабушки, дедушки, мать, отец, дети, внуки... В Москве живы ещё, слава Богу, прабабушки и прадедушки: их олицетворяют древний Кремль, древние соборы, старики-колокольни с горделивой всё ещё осанкой, и совсем маленькие старушки-церкви. Сохранились даже колокола, которые рассказывают о древних событиях, коим были свидетелями.

Старые бульвары, изящным пояском охватывающие талию красавицы Москвы, держат её в форме, не дают талии располнеть. Теперь и подумать нельзя, чтобы снять это раритетное украшение. Это память, с ним красавица сжилась и не мыслит жизни без золотого пояса.

Пусть новые добавляются, а тот старинный пояс-украшение – самый ценный, памятный. Когда укрепительные сооружения перестали выполнять свою роль, то на месте стен Белого города появились один за другим десять бульваров. Они открыли новую эпоху в жизни Москвы и продемонстрировали её мирный характер. Восхитительны прогулки по Бульварному кольцу в любое время суток – это одно из живописных исторических, притом красивейших мест в городе. Дома, тянущиеся вдоль бульваров – почти все исторические памятники, о каждом из них можно найти удивительную быль. Здесь сохранилось немало старинных особняков, придающих городу его знаменитое своеобразие, ту самую московскую атмосферу.

Если продолжать игру и сравнивать город с семьёй, то бульвары – это, скорее всего, родители, с любовью обнимающие своих детей и племянников. Улицы, переулки, площади находятся в подкове, то есть в крепких объятиях Бульварного кольца. Уже позже на месте ещё одного (тоже оборонительного) Земляного вала было создано Садовое кольцо в виде променада для москвичей. Там жители обязаны были разводить сады, так появилась улица Садовая.

В самом центре города живут старые столпы рода – это и есть Кремль, Красная площадь. Как ни стареют, а остаются бодрыми, мудрыми и очень привлекательными.

Монастыри тоже в характере этой семьи – это воспитательные центры. Старики, словом. Имена стариков звучные, наполненные историями: Высоко-Петровский, Донской, Заиконоспасский, Зачатьевский, Новодевичий, Свято-Даниловский, Сретенский... Их молодёжь немного сторонится, не хочет попадать в строгость, непростой распорядок дня и обязательность выполнения устава – им охота всего этого избежать: вот бы насладиться жизнью среди своих ровесников!

А в Москве для досуга и веселья – полный простор. Только зарабатывай и трать – всё к твоим услугам. Открылось множество клубов, ресторанов и кафе на любой вкус, кинотеатры и театры, суперсовременные и традиционные музейные площадки, катки, парки, где можно и на роликах, и на велосипедах, и на скейтах... Теперь уже не сидят по домам за столом, не танцуют дома под магнитофонные записи, как когда-то, а встречаются компаниями вне домашнего уюта – так дети свободнее чувствуют себя.

Университеты, академии, научные центры – всё осталось и приумножилось. Семья растёт, взрослеет, не без этого. Ещё сохранились печатные издания (книги и журналы), даже библиотеки есть. Их читальнями продолжают называть, что навеивает некие ассоциации, воспоминания о прошлой жизни. Они похожи на мам, они как тётки, которые всегда готовы принять молодых, попотчевать их традиционным и очень вкусным обедом. Иногда за этот пир приходится расплачиваться и слушать нравоучения и бесконечные рассказы: чем они жили и какими были в молодые годы... Ну что поделать? Это дань семейным московским традициям, того не избежать. Зато много можно получить от таких вот посиделок, всё сложить в копилку, ведь со временем точно это пригодится, но не сегодня, позже. Книги, журналы, читальни – куда вы уходите? Погодите...

Нередко улицы и переулки ведут себя как отцы: то прямолинейны и длинны – тогда идёшь, идёшь, смотришь по сторонам и открывается много интересного, нового, чего раньше не знал. А то вдруг переулки начинают петлять и заматывать от кого-то (!) следы, тогда воочию представляешь себе характер и ситуацию – наблюдай и помалкивай. Таких запутанных, сложносочинённых переулков в центре Питера не найти, а здесь – пожалуйста, сколько хочешь. И всё там является неожиданно, вдруг, как из-под земли – тоже отличие от иных городов.

Новые районы иногда не так безлики, как кажутся поначалу. И всё же воспринимаю их как соседей моей Москвы. Они другие, несмотря на многие удобства: метро, спортивные сооружения и даже зелень. Не имея в основе своей московского древнего стержня, они принадлежат иному роду, не московскому, без прошедших испытания временем традиций и устоев, они не похожи на московских родственников – это соседи.

Растёт город-семья, меняется. Но характеров-то много, не один. Город не скучный – всем найдётся место и занятие по вкусу, по душе. А любить этот город – наслаждение!

Москва. Октябрь 2014 г.

Сила. Истоки

Ксения

Дом, который мне снится до сих пор, вот уже... нет, не скажу, сколько.

Дом на улице Карья в Пярну – приморском, курортном, зелёном, чудесном городке с аккуратными домиками прибалтийского стиля, с кинотеатрами, ресторанами, курзалом, эстрадой под открытым небом у моря. Это дом двоюродной бабушки. Мне странно видеть написанным слово «бабушка». Ксения была мне просто другом, моей любимой, с которой я всегда хотела быть рядом, смеяться, делиться историями и слушать её рассказы о прошлой жизни.

О, эта жизнь, как из романа Мопассана: там и влюблённости, и страсти, и трагедии, благополучие и богатство, счастье в семейной жизни, великолепие светских гостиных, изысканность интерьеров, и потом – полный крах всего...

Фотографии Ксени

На фото конец XIX – начало XX века. Что за мир открывается, оттуда нет желания возвращаться. Погружаешься в иную жизнь.

Ксения-гимназистка, стоит картинно, с прекрасной осанкой, взявшись за спинку наклонённого венского стула. Будто стихи свои читает. Юная красавица.

А здесь она в профиль с красивейшей и модной по тому времени причёской.

Она, но уже мама и супруга. С дочерью Ксенией и мужем Антоном в своей гостиной в Пярну на фоне изящных консолей, изысканной мебели, японских картин, вышитых шёлком. Члены семьи со вкусом, очень красиво одеты, по моде конца двадцатых годов XX века. Это счастливая и благополучная семья.

Вот она же в шляпке со страусиным пером (фото в три четверти) – своевольно приподнятая голова, большие карие глаза, красивый прямой нос, не улыбается, гордится статью.

Сохранилось и фото Екатерины Второй – это тоже Ксения, в роли императрицы – не профессиональный, любительский спектакль. Роль для неё, потому что Ксения по сути – царица. Высокая, темноволосая, умные глаза, соболиные брови (так издавна на Руси называли густые, шелковистые брови), красивая фигура, не худая, от неё исходит мощная жизненная сила, уверенность в себе, глубина чувств и самоконтроль. Это она – Ксения Леонтьевна Нымм.

На последних фото она осталась тоже царственной, но уже старой, ушла из жизни в 97, хотя уходить не хотела, желала жить.

Предки по материнской линии

Я любила расспрашивать Ксению о «старине». Мои бабушки и дедушки рано ушли из жизни, вот Ксения и заменила их всех. И она рассказывала.

Родились мои бабушки (Александра – родная, а Ксения – двоюродная) в Орше, в тогдашней черте оседлости. Семья обедневших русских дворян. В роду были шведы Калиниусы, поляки Томашевичи, французы Ордо. Наш предок Иван Меллер-Закомельский служил у Павла Первого, который в благодарность одарил своего любимца платиновым перстнем с алмазом и маленькими гранатами. Также подарил ему карманные часы с эмалью. Одна из прапрабабушек была фрейлиной, кажется, Марии Фёдоровны (второй супруги Павла I). Давно прошедшие времена...

Семейство жило в поместье на высоком берегу Днепра, куда из красивейшего сада, созданного руками моей трудолюбивой прапрабабушки Александры Станиславовны Калениус на месте бывшего «сметища», вела живописная тропа к Днепру и открывался изумительный вид на реку. Александра Станиславовна рано овдовела, потом похоронила свою дочь и воспитывала одна семерых внуков. Их отец, будучи уже вдовцом, сошелся с гувернанткой и бросил детей. Жили бедно, девочки-гимназистки давали уроки музыки, их бабушка сдавала дом, чтобы прокормить всех, сами жили во флигеле.

Моя бабушка – Александра – старшая из семерых. По свидетельству знавших её – необычайно одарённая пианистка, тонкой душевной структуры человек, романтичная, добрейшая и умнейшая женщина. Всю жизнь болела, была физически слабой, но очень сильной духом своим.

Ксения – её младшая сестра, год разница – о ней пойдёт речь в рассказе.

Лена, Лида, Володя, Оля – умерли юными. Николай был младше Ксени, его я знала хорошо. Бывший белогвардеец, кавалерист. Потом был юристом в Академии им. Жуковского в Москве. Он подарил мне свои шпоры и сапоги (великоваты были!), когда я занималась конным спортом в 12 лет. Я его запомнила уже пенсионером, статным, высоким, интересным старцем.

А потом, когда я повзрослела, я стала Ксеню расспрашивать о 15 годах, проведённых ею в ссылке в Сибири в Красном Яру. Вот этого она не любила вспоминать. Но кое-что я запомнила. Хотя здесь – не об этом страшном времени. Много о нём написали очевидцы – не мне выписывать детали их судеб.

Плакучая и кудрявая берёзки. Портреты Крамского

По нашей семейной традиции, при рождении детей высаживали деревце, а потом смотрели, как растёт, каким становится. Так вот посадили две берёзки: для Шуры и для Ксени. Шурочкина стала плакучей, а Ксенина – кудрявой. Похоже, что жизнь старшей сестры напоминала всегда плакучую берёзку, а вот жизнь младшей – часто была кудрявой, хотя, далеко не всегда. По сути, обе жизни трагичны, виной чему – кровавая история России.

В семье часто видели сходство двух портретов Крамского с сёстрами: дама в белом на скамейке на картине «Лунная ночь» – копия Александры, а «Неизвестная» – это Ксения. Точно уловлены характеры сестёр (прототипы иные). У нас дома висела копия «Лунной ночи» – мама видела в той даме свою маму. Разными были дружившие и очень близкие друг другу сёстры.

Ещё немного о сёстрах – 1914-1920-е годы

Моя бабушка и мой дедушка, поженившись, сначала жили в Орше, где дедушка инспектировал гимназии, потом переехали в Юрьев (Тарту), где он учился в университете.

Ксения вышла замуж за немца, известного хирурга Асмута, который был старше её. Человек талантливый, многогранный, играл на виолончели, был богат и интересен как внешне, так и внутренне. Жили в Могилёве.

Туда как-то приехали в гости Александра с Владимиром. Начался еврейский погром. Это так страшно бывало в тех местах, что редко кто решался выглянуть из дома. Ксения, Александра и Владимир – втроём – взяли икону и встали перед разъярённой, жаждавшей крови, толпой вооружённых дубинами, ломами, лопатами и пр. Не страшась, просто встали, и дед сказал (от природы оратор) что-то такое, что эта толпа остановилась! Всё. Закончился погром. В семье этим случаем гордились. Родные мои, бесстрашные, любящие всех людей, стоявшие насмерть за справедливость, вечная вам память! Молодцы.

Бабушку Александру Станиславовну приглашали к себе обе молодые семьи, но ей не нравилась ни немецкая атмосфера у Ксени, ни эстонский дух города Юрьева. Она так и жила в Орше, ей по душе был уклад русской дворянской жизни.

Флигель в революцию сожгли, сад, дом разрушили. Бабушки Калениус не стало.

В 1914 году началась война, Александра и Владимир с дочерью Надеждой уехали из Эстонии в Новосиль, а потом в Чернь, под Тулой, где у них в 1919-м родилась дочь Татьяна – моя мама.

Вот там была поистине нищенская жизнь. Ничего своего: ни дома, ни мебели, ни нормальной одежды, ни еды – словом, бедность. Смотрю на фотографии: на одной – худющие, нищенски одетые мои родные – у меня слёзы бегут. На другом фото – в шикарной обстановке в модных нарядах семья Ксени. Какой контраст: две страны, одно время, там – жизнь, а здесь – уничтожение жизни.

Дедушка работал, но денег было мало на четверых. Табуретки (мама всю жизнь их любила), струганный стол, кровати. Моя, в то время ещё маленькая, мама, пользовалась полной свободой, лазала по деревьям, плавала, ныряла, ходила в тёплую погоду только босиком. Малосенький огорожок и две или три курочки-несушки (жили до старости, умирали своей смертью: никто не мог резать). Доставали гречку – годами её только и ели. Мама потом не любила её, понятно, почему. А в то же время семейство Ксени жило прекрасно, весело, богато: наряды, светское общество, частые многолюдные застолья. Однажды она послала из Эстонии сестре посылку с дорогими чулками через военного (наверное, поверить не могла в то, как жила сестричка, хотя переписывались). Он подумал, что Александра не сестра, а мать Ксени, настолько истощена была моя бабушка. Был просто ошарашен их нищенским бытом. Да, есть что вспомнить... Словом, плакучая и кудрявая берёзки.

Пярну, ул. Карья, дом № 1

Ксения – это Пярну, её дом номер 1 по улице Карья, напротив чудесного парка. Там, на Балтике, и проходило моё детство летом. Мы снимали комнату в этом доме, так как у Ксени не было места. Это был мой самый любимый дом, тогда он не мог сравниться ни с квартирой в Москве, ни с дачей, ни с самыми распрекрасными, виденными мной, домами. Намного позже я значительно сильнее полюбила построенный моим мужем Дом (всегда с большой буквы!) в Подмосковье, он вытеснил тот, эстонский, но не вычеркнул его из памяти.

Дом в Пярну двухэтажный, деревянный, просторный, с большим двором, с дополнительными постройками (флигели, сараи, прачечная). Сад. А место – самое лучшее во всём красивейшем Пярну: в центре, рядом православная церковь, рынок, гимназия (начальником был и мой дед), всего в 10 минутах ходьбы от моря – всё рядом. Так вот я всегда считала, что это дом нашей Ксени. А на самом-то деле, с конца 50-х Ксенечка жила в маленькой комнатке (бывший кабинет её супруга), но с отдельным входом. Малосенькая кухонька со столиком и двумя стульями (за ширмой маленькая электрическая плитка на добротной старой дровяной плите). Раньше пользовались настоящей, большой, удобной, хорошо оснащённой кухней, но она осталась на другой стороне дома. Туда уже в 40-х годах заселились несколько семейств, превратив его в обычный «коммунальный». Так распорядилась госпожа Судьба: знала ты богатую благополучную семейную жизнь, любовь, узнай и бедность, нищету, одиночество...

Семья: Антон, Ксения и дочь Ксения

Вдовой после первого и недолгого замужества за Асмутом Ксения приехала к сестре в Пярну. Муж её сестры Александры, мой дедушка Владимир Михайлович Успенский, к тому времени закончил Духовную академию в Сергиевом Посаде, затем и Тартуский университет.

Преподавал. Был инспектором гимназий. В Пярну направлен начальником мужской гимназии. Там сняли квартиру на первом этаже дома на улице Карья, по соседству с гимназией (тот самый дом!). В то время у них была одна доченька Надя, 4-6 лет – моя тётя, моя будущая крёстная мать, сестра моей мамы (ещё не родившейся тогда). Приобрели мебель, обустроились и пригласили в гости Ксеню. К хозяину дома в это же время приехал сын – Антон Нымм. Дедушка позвал мастера починить испортившуюся печь (красивейшая была, изразцовая). Ксения всегда интересовалась всем по хозяйству, наблюдала за работой, когда подошёл и Антон. Познакомились, не прошло и недели, как Антон предложил Ксене руку и сердце, был влюблён и оставался влюблённым в неё до своей гибели (советские расстреляли в 1941 году). Но Ксения отказала: вдова, в трауре. Позже они поженились, родили дочь Ксению – мою любимейшую Ксенечку (судьба забросила её после войны в Австралию, где она дожила до 95 лет и умерла в марте 2015 года).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.